

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-4-148-162>

Особенности межличностных отношений и социально-психологической адаптации при переживании стрессов высокой интенсивности и длительного воздействия у населения посткризисного региона

Ислам Сайдахмедович Хажуев

*Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,
hazhuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8070-1875>*

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты исследования особенностей межличностных отношений и параметров социально-психологической адаптации при переживании стрессов высокой интенсивности и длительного воздействия на примере населения посткризисного региона. Цель исследования заключалась в изучении социально-демографической специфики проявления интенсивных стрессовых переживаний, особенностей межличностного общения и процессов социально-психологической адаптации у лиц, находившихся в условиях длительной чрезвычайной ситуации. Основные результаты исследования указывают на то, что интенсивные стрессовые переживания сопровождаются снижением адаптивных возможностей личности и формированием дезадаптивных установок в отношении себя и социального окружения. Более того, выраженность признаков травматического стресса также может сопровождаться ухудшением межличностных отношений в связи с частым использованием травмированными лицами агрессивного, подозрительного, подчиняемого и зависимого стилей общения при взаимодействии с социальным окружением. Результаты исследования указывают на то, что гражданское население по сравнению с сотрудниками правоохранительных органов более подвержено развитию признаков посттравматического стресса, возможно коррелирующих с клиническим уровнем посттравматического стрессового расстройства. В контексте травматических переживаний женщины по сравнению с мужчинами продемонстрировали более высокий уровень эмоционального дискомфорта и склонность к зависимости от внешнего контроля.

Ключевые слова: *посттравматический стресс, социально-психологическая адаптация, межличностные отношения, стресс высокой интенсивности, дезадаптивное поведение*

Для цитирования: Хажуев И.С. Особенности межличностных отношений и социально-психологической адаптации при переживании стрессов высокой интенсивности и длительного воздействия у населения посткризисного региона // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2025. Вып. 4 (62). С. 148–162. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-4-148-162>

Original article

The characteristics of interpersonal relationships and socio-psychological adaptation in individuals experiencing high-intensity and prolonged stress in a post-crisis region

Islam S. Khazhuev

*Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russian Federation, hazhuev@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8070-1875>*

Abstract

This article presents the results of a study on the characteristics of interpersonal relationships and parameters of socio-psychological adaptation in individuals experiencing high-intensity and prolonged stress, using the population of a post-crisis region as an example. The aim of the study was to examine the

socio-demographic specifics of the manifestation of intense stressful experiences, the characteristics of interpersonal communication, and the processes of socio-psychological adaptation in individuals who have been in prolonged emergency situations. The main results of the study indicate that intense stressful experiences are accompanied by a decrease in adaptive capabilities of the individual and the formation of maladaptive attitudes towards oneself and the social environment. Moreover, the severity of the signs of traumatic stress can also be accompanied by a deterioration in interpersonal relationships, due to the frequent use of aggressive, suspicious, submissive, and dependent communication styles by traumatized individuals when interacting with their social environment. The results of the study indicate that the civilian population, compared to law enforcement officers, is more susceptible to developing signs of PTSD, possibly corresponding to the clinical level of PTSD. Furthermore, based on gender, in the context of traumatic experiences, women, compared to men, demonstrated a higher level of emotional discomfort and a tendency to dependency on external control.

Keywords: *post-traumatic stress, social and psychological adaptation, interpersonal relationships, high-intensity stress, maladaptive behavior*

For citation: Khazhuev I.S. Osobennosti mezhluchnostnykh otnosheniy i sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii pri perezhivanii stressov vysokoy intensivnosti i dlitel'nogo vozdeystviya u naseleniya postkrizisnogo regiona [The characteristics of interpersonal relationships and socio-psychological adaptation in individuals experiencing high-intensity and prolonged stress in a post-crisis region]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2025, vol. 4 (62), pp. 148–162. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-4-148-162>

Стрессы высокой интенсивности и длительного воздействия оказывают разрушительное воздействие на все сферы жизни человека. В связи с этим посттравматический стресс (ПТС) как ответная реакция психики на пережитое травмирующее событие очень часто сопровождается различными психологическими последствиями, проявляющимися в виде нарушений в социальном функционировании [1]. При этом клиническая практика показывает, что подобные реакции наиболее выраженными оказываются у лиц, подверженных развитию признаков ПТС [2], а сами посттравматические симптомы могут активизироваться и на достаточно отдаленном этапе после непосредственного переживания индивидом психотравмирующего события (расстройство с отсроченным началом) [3]. Более того, травматические воспоминания, лежащие в основе ПТС даже из раннего детства, могут сохраняться в опыте и интроспихическом пространстве человека старшего или пожилого возраста как актуально переживаемые события, обостряясь при воздействии других аналогичных стимулов в рамках осуществления межличностных отношений и социальной активности человека [4, 5].

Согласно данным многочисленных исследований, результатом переживания психотравмирующих событий, помимо психопатологических реакций, становится нарушение социальной адаптации травмированной личности на всех ее уровнях и особенно в сфере межличностных отношений [1, 3, 4].

Так, в контексте нарушения социальной адаптации, напрямую связанного с жизненным опытом и спецификой межличностных отношений личности, под воздействием травматического стресса могут трансформироваться адаптированные к условиям обычной повседневной жизни когнитивные установки и свойства индивида [6], а также механизмы защитно-совладающего поведения, способствующие функционированию личности в различных сферах жизнедеятельности [7].

Вместе с этим, как указывает Н.Г. Иванова, активизация разнообразных форм адаптационных процессов происходит за счет использования механизмов защитно-совладающего поведения (копинг-механизмы), эффективность которых зависит от тех когнитивных и поведенческих усилий личности, прилагаемых для преодоления возникших трудностей [8]. При этом продуктивность данных механизмов зависит от оценки как стрессовых ситуаций, так и ресурсных возможностей их преодоления [9]. В целом копинг-стратегии рассматриваются как формы социальной активности человека, позволяющие преодолеть стрессы способами, которые соответствуют личностным возможностям и ситуациям, через осознанные стратегии поведения [7, 10].

Однако в случае воздействия экстремальных событий ресурсные возможности индивида оказываются недостаточными для преодоления интенсивных стрессовых переживаний, испытываемых в процессе травматизации. В дальнейшем нарушения посттравматического характера, возникшие после травматического опыта, становятся основным препятствием к социальной адаптации [11]. А наиболее тяжелыми эти нарушения могут стать под воздействием длительных чрезвычайных ситуаций, к примеру военных конфликтов, так как травматический стресс, пережитый в условиях чрезвычайной ситуации и оставивший глубокий след в психике индивида, дополняется негативным опытом. Этот опыт связан с особенностями приспособления к реалиям уже мирной жизни, когда прекратилось воздействие экстремальных факторов [12].

По данным Х. Чжан (X. Zhang) и соавт., важное значение в успешном преодолении психологического дистресса имеет ощущение личной самоэффективности, опосредованное межличностной адаптацией и самопринятием [13]. В свою очередь показатели успешной социально-психологической адаптации в значительной степени зависят от продуктивных и эффективных межличностных отношений, которые создают важные условия для формирования у индивида данных качеств [14].

Напротив, высокий уровень стресса, связанный также и с негативным межличностным взаимодействием, оказывает деструктивное воздействие на социальные связи личности и ее способность функционировать в различных сферах [15]. Похожее мнение высказывается G. Bacigalupe и P. Padilla, которые указывают на то, что межличностные отношения могут стать как источником негативных стрессовых реакций, так и ресурсами социальной поддержки, необходимыми при совладании с жизненными трудностями [16]. В исследовании В. Steinheider наглядно показано, как высокий уровень стресса, связанный с восприятием травматической информации от непосредственных жертв экстремальных событий, оказывает негативное влияние как на процесс выстраивания межличностных отношений, так и на профессиональную и социально-психологическую адаптацию у работников агентств по оказанию социальных услуг населению [17].

Согласно социально-интерперсональной модели развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), предложенной А. Maercker и соавт., неблагоприятная межличностная связь с социальным окружением может усугублять симптомы ПТСР и затруднять процесс адаптации. И наоборот, позитивная поддержка и признание со стороны близких и общества способствуют восстановлению психологического благополучия травмированной личности. Вместе с этим социально-психологическая адаптация при переживании интенсивных и длительных стрессов зависит не только от внутрипсихических факторов, но и от способности индивида эффективно взаимодействовать с социальным окружением, что включает в себя умение выражать и регулировать эмоции, а также готовность как принимать, так и самому оказывать социальную поддержку другим людям. При этом на процесс адаптации влияет и нахождение травмированного индивида в культурно релевантной среде, где у него нет конфликта ценностей с окружающими людьми [18].

Таким образом, стресс высокой интенсивности, переживаемый в экстремальных условиях, может сопровождаться ухудшением межличностных отношений и нарушением социальной адаптации [19, 20]. Малоэффективными оказываются и многие личностные ресурсы: механизмы защитно-совладающего поведения, использование которых не способствует снижению типичных последствий травматического стресса – посттравматических реакций [21].

С учетом сказанного выше было проведено исследование с целью изучения социально-демографической специфики проявления интенсивных стрессовых переживаний, особенностей межличностного общения и процессов социально-психологической адаптации у населения посткризисного региона. Следует также отметить, что результаты, представленные в настоящей работе, отражают данные исследования, полученные в период с 2016 по 2017 г. (спустя 7 лет после отмены режима контртеррористической операции в Чеченской Республике). Они могут иметь научно-практи-

ческий интерес в свете психосоциальной реабилитации и адаптации населения новых регионов России после завершения режима специальной военной операции.

Исследование проводилось среди населения Чеченской Республики (ЧР) путем рандомизированного отбора и подворного обхода. В эксперименте приняли участие жители разных населенных пунктов республики. Всего было обследовано 678 человек (возрастной диапазон от 18 до 70 лет). Для выявления половых различий в параметрах социально-психологической адаптации и в стилях межличностного общения были сформированы выборки мужчин и женщин, а также выборки лиц, имеющих и не имеющих выраженную посттравматическую симптоматику (для выявления специфики межличностных отношений в контексте травматических переживаний).

В исследовании применялись следующие методики: «Миссисипская шкала (гражданский и военный варианты)»; «Шкала оценки влияния травматического события» (ШОВТС) (Н.В. Тарабрина) [22]; «Опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда» [23]; «Методика диагностики межличностных отношений Лири» [24].

Методы математической обработки данных включают: вычисление коэффициента корреляции R Спирмена, проведение частотного анализа, а также использование непараметрического U -критерия Манна – Уитни.

Исследование параметров социально-психологической адаптации и межличностных отношений при переживании интенсивного стресса выявило ряд особенностей среди различных групп населения в посткризисном регионе.

Важными результатами исследования стали данные корреляционного анализа, представленные в табл. 1, 2.

Таблица 1

Взаимосвязь параметров социально-психологической адаптации и признаков ПТС по ШОВТС (75 человек), R

Переменные исследования	Вторжение	Избегание	Физиологическая возбудимость	Индекс ПТС
Адаптивность	-0,249*	-0,183	-0,355**	-0,289**
Деадаптивность	0,363***	0,323**	0,294**	0,316**
Приятие себя	-0,227*	-0,112	-0,366***	-0,275*
Неприятие себя	0,412***	0,316**	0,308**	0,363***
Приятие других	-0,138	-0,045	-0,256*	-0,142
Неприятие других	0,274*	0,274*	0,084	0,188
Эмоциональный комфорт	-0,195	-0,086	-0,165	-0,143
Эмоциональный дискомфорт	0,425***	0,395***	0,342***	0,398***
Внутренний контроль	-0,040	-0,089	-0,239*	-0,137
Внешний контроль	0,457***	0,342**	0,473***	0,430***
Доминирование	-0,066	0,046	-0,158	-0,095
Ведомость	0,118	0,059	0,004	0,051
Эскапизм (уход от проблем)	0,204	0,243*	0,108	0,176

Примечание. Здесь и в табл. 2, 3 * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

По результатам корреляционного анализа выявлено, что параметры травматического стресса имеют как положительные, так и отрицательные связи с теми или иными формами социально-психологической адаптации по опроснику К. Роджерса и Р. Даймонда [23]. Установлено, что повышение уровня выраженности признаков вторжения и физиологической возбудимости, а также общего индекса ПТС имеет отрицательную связь с показателями шкалы «Адаптивность» у травмированных лиц. Напротив, ожидаемо положительные связи прослеживаются между показателями шкалы «Деадаптивность» и развитием признаков вторжения, избегания и физиологической возбудимости при ПТС. Все это может указывать на то, что переживания посттравматического характера связаны со снижением адаптивных возможностей личности и формированием дезадаптивных форм поведе-

ния. При этом процесс снижения адаптивного потенциала личности сопровождается развитием у индивида неприятия по отношению как к собственной личности, так и к социальному окружению – неприятие других.

Так, форма социально-психологической адаптации индивида, реализуемая через «приятие себя», имеет отрицательную сопряженность с признаками вторжения, физиологической возбудимости и общим индексом ПТС. Напротив, положительная связь с признаками ПТС прослеживается у противоположной формы социальной адаптации, проявляющейся через неприятие себя. В данном случае, как показывают результаты корреляционного анализа, выявлены сильные и статистически значимые связи положительной направленности между неприятием себя и со всеми признаками ПТС. Аналогичным образом прослеживаются корреляционные связи между неприятием других и отдельными признаками ПТС.

Так, увеличение выраженности признаков вторжения и избегания при ПТС положительно согласуется с частым использованием формы социальной адаптации, реализуемой через неприятие других. При этом наиболее сильные положительные связи с травматическими переживаниями имеют шкалы «Эмоциональный дискомфорт» и «Внешний контроль».

Иными словами, результаты анализа могут указывать на то, что развитие интенсивных стрессовых переживаний у психотравмированных лиц сопровождается формированием в структуре механизмов социально-психологической адаптации установок, препятствующих эффективному взаимодействию не только с другими людьми, но и позитивному самоприятию на фоне нарушенного эмоционального равновесия и автономности личности (результат усиления внешнего контроля). Напротив, низкий уровень выраженности посттравматических реакций или же их снижение совпадает с формированием у индивида положительных установок по отношению к собственной персоне, что проявляется и в формах социально-психологической адаптации.

Таким образом, можно констатировать, что высокий уровень выраженности признаков ПТС совпадает с развитием дезадаптивных форм социального поведения и психологических установок, негативно влияющих на внутри-, межличностные отношения травмированного человека, а также на его эмоциональное самочувствие.

Вместе с этим, учитывая то, что в условиях экстремальной действительности воздействию психотравмирующих факторов наиболее часто могут подвергаться работники экстренных служб, в частности полиции, была изучена сопряженность между признаками ПТС, диагностированными при помощи Миссисипской шкалы (MS), и параметрами социально-психологической адаптации у гражданских лиц и представителей правоохранительных органов (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь параметров социально-психологической адаптации и признаков ПТС по MS (гражданский (40 человек) и военный варианты (41 человек)), R

Переменные исследования	MS гражданская	MS военная
Адаптивность	–0,363*	–0,376*
Дезадаптивность	0,073	0,341*
Приятие себя	–0,401**	–0,532***
Неприятие себя	0,225	0,352*
Приятие других	–0,417**	–0,255
Неприятие других	–0,051	0,044
Эмоциональный комфорт	0,054	–0,251
Эмоциональный дискомфорт	0,099	0,364*
Внутренний контроль	–0,251	–0,165
Внешний контроль	0,289	0,442**
Доминирование	0,026	–0,079
Ведомость	–0,102	0,125
Эскапизм (уход от проблем)	–0,126	0,085

Как видно из результатов анализа в табл. 2, шкала «Адаптивность» обратно коррелирует с признаками ПТС и по гражданскому, и по военному вариантам Миссисипской шкалы, в то время как «Деадаптивность», напротив, имеет положительную корреляцию с посттравматическими признаками только по военному варианту MS.

В то же время переменная «Приятие себя» также показывает обратную корреляцию с признаками ПТС по обоим вариантам MS, тогда как ее противоположная форма – «Неприятие себя» – положительно согласуется с травматическими переживаниями у представителей правоохранительных органов (по военному варианту MS), а показатели переменной «Приятие других» обратно пропорциональны уровню ПТС по гражданскому варианту MS. При этом признаки ПТС по военному варианту MS положительно коррелируют с переменными «Эмоциональный дискомфорт» и «Внешний контроль».

Переживание признаков ПТС у сотрудников правоохранительных органов по сравнению с гражданскими лицами характеризуется наличием положительных корреляций с более разнообразными формами дезадаптивного поведения, проявляющихся в снижении адаптивности, негативном отношении к собственной персоне и другим людям, неудовлетворенности окружающей действительностью, а также повышении восприимчивости к влиянию со стороны окружающих, что может свидетельствовать о меньшей автономии и склонности возлагать ответственность за происходящее на внешние обстоятельства. Следует, однако, отметить, что в условиях экстремальной действительности преобладание в системе межличностных отношений подобных установок у представителей силовых структур могло быть обусловлено спецификой профессиональной деятельности, которая требует постоянной мобилизации ресурсов и готовности к действиям в условиях угрозы со стороны преступников. Подобные установки, возможно, способствовали формированию групповой сплоченности и взаимопомощи, которые являются важными факторами выживания и эффективного выполнения профессиональных обязанностей в экстремальных условиях. При этом ориентация на внешние обстоятельства могла позволить правоохранителям быстрее адаптироваться к неожиданным изменениям обстановки и опираться на поддержку коллег, от действий которых зависит не только общая боеспособность, но и их выживание в целом.

Вместе с этим анализ корреляционных связей между параметрами ПТС по MS и стилями межличностного общения по методике Лири также показал сопряженность между отдельными переменными у представителей гражданского населения и правоохранительных органов (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь стилей межличностного общения по Лири и признаков ПТС по Миссисипской шкале (гражданский (100 человек) и военный варианты (102 человека)), R

Стиль межличностного общения	MS гражданская	MS военная
Авторитарный	0,008	0,097
Эгоистичный	0,030	0,094
Агрессивный	0,222*	0,247*
Подозрительный	0,394***	0,459***
Подчиняемый	0,154	0,216*
Зависимый	0,102	0,218*
Дружелюбный	–0,034	–0,070
Альтруистический	–0,045	–0,032

Табл. 3 показывает, что агрессивный и подозрительный стили межличностного общения имеют положительные корреляции с признаками ПТС по гражданскому и военному вариантам MS. В то же время подчиняемый и зависимый стили межличностного общения также характеризуются положительными корреляциями с признаками ПТС по военному варианту MS.

Все это может указывать на то, что при переживании травматического стресса гражданские лица и полицейские придерживаются во взаимоотношениях с окружающими людьми агрессивного и подозрительного стилей общения, а в случае сотрудников правоохранительных органов при построении межличностной коммуникации могут быть также дополнительно использованы подчиняемый и зависимый стили. Следует, однако, отметить, что уровень выраженности признаков ПТС у представителей гражданского населения оказался значительно выше по сравнению с представителями правоохранительных органов (табл. 4).

Таблица 4

Выраженность признаков ПТС по Миссисипской шкале среди гражданского населения и представителей правоохранительных органов (2016 г.)

Наличие или отсутствие признаков ПТС по MS (гражданский вариант)	Гражданские лица		Наличие или отсутствие признаков ПТС по MS (военный вариант)	Представители правоохранительных органов	
	абс.	%		абс.	%
Отсутствие выраженных признаков ПТС	332	75,63	Отсутствие выраженных признаков ПТС	207	86,61
Наличие выраженных признаков ПТС	107	24,37	Наличие выраженных признаков ПТС	32	13,39
Всего	439	100	Всего	239	100,00

Так, среди гражданского населения процент лиц с выраженной посттравматической симптоматикой составил 24,37 %, в то время как среди сотрудников правоохранительных органов – 13,39 % (табл. 4).

Таким образом, среди гражданского населения выраженность признаков ПТС значительно выше по сравнению с представителями правоохранительных органов, несмотря на то что последние в период проведения исследования были более подвержены воздействию опасных для жизни экстремальных ситуаций.

Эти данные согласуются с результатами более ранних собственных исследований (2009–2010 гг.). Согласно этим исследованиям, комбатанты (большинство из которых являлись участниками контртеррористической операции (КТО) и, следовательно, длительное время находились в психотравмирующих условиях) оказались менее подвержены развитию психопатологических реакций посттравматического характера по сравнению с гражданским населением [25].

Также с учетом цели исследования были изучены гендерные особенности социально-психологической адаптации и межличностного общения респондентов (табл. 5, 6).

Таблица 5

Ранговые показатели выраженности форм социально-психологической адаптации мужчин (46 человек) и женщин (35 человек)

Показатель	Пол	Средний ранг	Сумма рангов	U-критерий Манна – Уитни	W-критерий Уилкоксона	Z	p
Адаптивность	Муж.	45,22	2080,00	611,000	1241,000	–1,850	0,064
	Жен.	35,46	1241,00				
Деадаптивность	Муж.	36,85	1695,00	614,000	1695,000	–1,822	0,069
	Жен.	46,46	1626,00				
Приятие себя	Муж.	45,15	2077,00	614,000	1244,000	–1,822	0,068
	Жен.	35,54	1244,00				
Неприятие себя	Муж.	39,96	1838,00	757,000	1838,000	–0,458	0,647
	Жен.	42,37	1483,00				
Приятие других	Муж.	43,84	2016,50	674,500	1304,500	–1,246	0,213
	Жен.	37,27	1304,50				

Окончание табл. 5

Показатель	Пол	Средний ранг	Сумма рангов	<i>U</i> -критерий Манна – Уитни	<i>W</i> -критерий Уилкоксона	<i>Z</i>	<i>p</i>
Неприятие других	Муж.	41,40	1904,50	786,500	1416,500	–0,177	0,860
	Жен.	40,47	1416,50				
Эмоциональный комфорт	Муж.	45,15	2077,00	614,000	1244,000	–1,825	0,068
	Жен.	35,54	1244,00				
Эмоциональный дискомфорт	Муж.	35,40	1628,50	547,500	1628,500	–2,458	0,014
	Жен.	48,36	1692,50				
Внутренний контроль	Муж.	45,30	2084,00	607,000	1237,000	–1,889	0,059
	Жен.	35,34	1237,00				
Внешний контроль	Муж.	34,85	1603,00	522,000	1603,000	–2,701	0,007
	Жен.	49,09	1718,00				
Доминирование	Муж.	43,67	2009,00	682,000	1312,000	–1,179	0,238
	Жен.	37,49	1312,00				
Ведомость	Муж.	37,63	1731,00	650,000	1731,000	–1,480	0,139
	Жен.	45,43	1590,00				
Эскапизм (уход от проблем)	Муж.	39,88	1834,50	753,500	1834,500	–0,492	0,623
	Жен.	42,47	1486,50				

Как показал сравнительный анализ, значимые различия в параметрах социально-психологической адаптации были отмечены у мужчин и женщин только по переменным «Эмоциональный дискомфорт» и «Внешний контроль».

Так, женщины по сравнению с мужчинами продемонстрировали более высокие значения как по эмоциональному дискомфорту, так и по внешнему контролю в условиях переживания травматического стресса ($p \leq 0,05$). В исследовании Г.Ш. Габдреевой также приведены результаты, указывающие, что мужчины, в отличие от женщин, обладают более высоким адаптационным потенциалом. При этом автор отмечает, что нельзя говорить о «худшей» или «лучшей» адаптированности личности мужчин или женщин, поскольку ее актуализация базируется у них на разных основаниях [26].

Таблица 6

Показатели выраженности стилей межличностного общения по методике Лири (207 человек) у мужчин (133 человека) и женщин (74 человека)

Стиль межличностного общения	Пол	Средний ранг	Сумма рангов	<i>U</i> -критерий Манна – Уитни	<i>W</i> -критерий Уилкоксона	<i>Z</i>	<i>p</i>
Авторитарный	Муж.	108,43	14421,00	4332,000	7107,000	–1,438	0,151
	Жен.	96,04	7107,00				
Эгоистичный	Муж.	115,33	15339,50	3413,500	6188,500	–3,677	0,000
	Жен.	83,63	6188,50				
Агрессивный	Муж.	107,50	14297,00	4456,000	7231,000	–1,143	0,253
	Жен.	97,72	7231,00				
Подозрительный	Муж.	90,85	12082,50	3171,500	12082,500	–4,273	0,000
	Жен.	127,64	9445,50				
Подчиняемый	Муж.	96,95	12894,50	3983,500	12894,500	–2,292	0,022
	Жен.	116,67	8633,50				
Зависимый	Муж.	102,18	13589,50	4678,500	13589,500	–0,594	0,553
	Жен.	107,28	7938,50				
Дружелюбный	Муж.	102,33	13609,50	4698,500	13609,500	–0,543	0,587
	Жен.	107,01	7918,50				
Альтруистический	Муж.	103,78	13803,00	4892,000	13803,000	–0,071	0,944
	Жен.	104,39	7725,00				

Вместе с тем по параметрам межличностного общения у мужчин и женщин были выявлены значимые различия в показателях выраженности эгоистичного, подозрительного и подчиняемого стилей общения.

Так, согласно представленным в табл. 6 данным, мужчины, пережившие травматический стресс и проживавшие в посткризисном регионе, в построении межличностных отношений и коммуникации чаще, чем женщины, могли использовать эгоистичный стиль общения ($p = 0,000$). При этом женщины, в отличие от мужчин, в выстраивании межличностных отношений чаще прибегали к подозрительному ($p = 0,000$) или подчиняемому ($p = 0,022$) стилям общения. В исследовании В.П. Познякова, проведенном на примере предпринимателей (мужчин и женщин), которые не подвергались действию психотравмирующих факторов, напротив, показано, что по своим социально-психологическим характеристикам предприниматели-женщины во многом имеют близкие к предпринимателям-мужчинам показатели. Это касается выраженности активных стратегий поведения в конфликтных ситуациях, стилей межличностного взаимодействия, связанных с доминированием, независимостью и агрессивностью, и личностных особенностей, характеризующихся как типично мужские (маскулинные) [27]. В исследовании С.А. Хасановой показано, что стили межличностного общения у мужчин и женщин зависят от гендерно-стереотипных характеристик, которые в свою очередь определяют коммуникативные, перцептивные и интерактивные стороны общения [28]. Вместе с этим в исследовании J. Patterson и соавт. показано, что женщины, переживающие признаки ПТС, характеризуются неспособностью удовлетворить межличностные и эмоциональные потребности, что в свою очередь приводит к снижению их социальной активности и способности строить межличностные отношения [29].

При этом, как отмечают отдельные исследователи, межличностная динамика (в сторону улучшения или ухудшения коммуникативных связей) как у мужчин, так и у женщин в значительной степени может определяться спецификой (степенью тяжести) травматического опыта [20, 30]

В то же время анализ стилей межличностного общения в контексте переживания признаков ПТС по MS (гражданский вариант) показал значимые различия по таким стилям, как агрессивный и подозрительный (табл. 7).

Таблица 7

Использование стилей межличностного общения в зависимости от наличия или отсутствия признаков ПТС по Миссисипской шкале (гражданский вариант)

Стиль межличностного общения	Показатели наличия или отсутствия признаков ПТС	Абс.	Средний ранг	Сумма рангов	U-критерий Манна – Уитни	W-критерий Уилкоксона	Z	P-знач.
Авторитарный	Отсутствие ПТС	68	49,83	3388,50	1042,500	3388,500	-0,580	0,562
	Наличие ПТС	33	53,41	1762,50				
Эгоистичный	Отсутствие ПТС	68	49,28	3351,00	1005,000	3351,000	-0,853	0,393
	Наличие ПТС	33	54,55	1800,00				
Агрессивный	Отсутствие ПТС	68	46,81	3183,00	837,000	3183,000	-2,084	0,037
	Наличие ПТС	33	59,64	1968,00				
Подозрительный	Отсутствие ПТС	68	44,10	2998,50	652,500	2998,500	-3,427	0,001
	Наличие ПТС	33	65,23	2152,50				
Подчиняемый	Отсутствие ПТС	68	48,65	3308,00	962,000	3308,000	-1,166	,244
	Наличие ПТС	33	55,85	1843,00				
Зависимый	Отсутствие ПТС	68	47,43	3225,00	879,000	3225,000	-1,774	0,076
	Наличие ПТС	33	58,36	1926,00				

Окончание табл. 7

Стиль межличностного общения	Показатели наличия или отсутствия признаков ПТС	Абс.	Средний ранг	Сумма рангов	U-критерий Манна – Уитни	W-критерий Уилкоксона	Z	P-знач.
Дружелюбный	Отсутствие ПТС	68	50,44	3430,00	1084,000	3430,000	-0,277	0,782
	Наличие ПТС	33	52,15	1721,00				
Альтруистический	Отсутствие ПТС	68	51,00	3468,00	1122,000	1683,000	0,000	1,000
	Наличие ПТС	33	51,00	1683,00				
	Всего	101						

Согласно данным анализа, чаще при построении межличностных отношений к агрессивному ($p = 0,037$) и подозрительному ($p = 0,001$) стилям общения прибегают респонденты, продемонстрировавшие наличие посттравматических признаков по гражданскому варианту MS. При этом по остальным стилям межличностного общения по методике Лири не обнаружено значимых различий в зависимости от подверженности лиц признакам ПТС. В исследованиях других авторов, проведенных с больными ПТСР, показано, что способность к поддержанию межличностных отношений напрямую связана с тяжестью протекания посттравматической симптоматики и относительно коротким временем, прошедшим после переживания травматического опыта [31]. Последовательная ассоциация между посттравматическим возбуждением-реактивностью и снижением межличностного функционирования приводится и в исследовании L. Elmi и J. Clapp. При этом одним из личностных качеств, которое может способствовать снижению негативного влияния на межличностное функционирование травмированного индивида, по данным авторов, является способность к сопереживанию другим [5].

Результаты исследования в значительной степени подтверждают и дополняют существующие представления о влиянии на межличностные отношения и социальную адаптацию травматических переживаний. Полученные данные согласуются с выводами, сделанными в отдельных исследованиях [13], которые указывают на важность личной самоофективности и социально-психологической адаптации в преодолении психологического дистресса, а также с исследованиями Maercker и Horn [18], демонстрирующими, что негативная межличностная связь B. Steinheider [17], который установил, что высокий уровень стресса негативно влияет на профессиональную и социально-психологическую адаптацию работников социальных служб.

Стоит также отметить, что исследование выявило более высокую выраженность признаков ПТС среди гражданского населения по сравнению с сотрудниками правоохранительных органов (согласуется с предыдущими выводами, сделанными в ранних исследованиях [25]). Это может быть связано с различиями в механизмах совладающего поведения и стратегиях адаптации, используемых разными социальными группами в условиях длительного воздействия экстремальных ситуаций.

Кроме того, выявленные гендерные различия в параметрах социально-психологической адаптации свидетельствуют о том, что женщины, по сравнению с мужчинами, могут быть более подвержены эмоциональному дискомфорту и внешнему контролю. Эти результаты согласуются с данными, представленными в исследовании Г.Ш. Габдреевой [26], которая отмечала, что мужчины обладают более высоким адаптационным потенциалом. Более того, выявленные гендерные особенности межличностного общения, заключающиеся в высокой подозрительности и подчиняемости женщин, в некоторой степени могут согласоваться с результатами исследования J. Patterson и соавт., которые выявили проблемы в социальной активности и выстраивании межличностных отношений у психотравмированных женщин [29].

Результаты исследования также подтверждают наличие взаимосвязи между стилями межличностного общения и признаками ПТС. Положительные корреляции агрессивного, подозрительного,

подчиняемого и зависимого стилей общения с симптомами ПТС соответствуют данным, представленным в исследованиях G. Basigalupe и P. Padilla [16], которые подчеркивают двоякую роль межличностных отношений как возможного источника негативных стрессовых реакций и ресурса для социальной поддержки.

Таким образом, результаты настоящего исследования расширяют понимание влияния интенсивных стрессовых переживаний в условиях длительной ЧС на социально-психологическую адаптацию и межличностные отношения у психотравмированных лиц. Данные исследования представляют основу для разработки новых стратегий психологической помощи и поддержки лицам, переживающим ПТС, а также дают определенное представление об особенностях взаимодействия посттравматических реакций и социально-психологических факторов в контексте адаптации и межличностного общения.

Переживание признаков ПТС у травмированной части населения посткризисного региона может сопровождаться формированием негативных установок по отношению как к собственной личности, так и к социальному окружению, что в свою очередь может негативно сказываться на их адаптивных возможностях.

У травмированных лиц, страдающих признаками ПТС, наблюдается выстраивание межличностных отношений на основе использования агрессивного, подозрительного, подчиняемого и зависимого стилей общения, особенно ярко может проявляться у представителей правоохранительных органов. Это может указывать на то, что лица с выраженными признаками ПТС склонны использовать неадаптивные стратегии общения.

Уровень выраженности признаков ПТС у гражданского населения значительно выше по сравнению с представителями правоохранительных органов, несмотря на то что силовики в условиях чрезвычайной ситуации по объективным факторам оказывались более подверженными психотравмирующим воздействиям.

Выявлены гендерные различия в реакциях на психотравмирующие события, характеризующиеся тем, что женщины по сравнению с мужчинами могут оказаться более подверженными дезадаптивному поведению, связанному, с одной стороны, с эмоциональным дискомфортом и возросшей зависимостью от внешнего контроля, а с другой – в связи с использованием в межличностном взаимодействии менее конструктивных стилей общения – подозрительного и подчиняемого.

Список источников

1. Харламенкова Н.Е. Психология посттравматического стресса: итоги и перспективы исследований // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 1. С. 16–30.
2. Погосов А.В., Сочивко Ю.Н., Бойко Е.О. и др. Программа комплексной (медицинской, социальной, психологической) реабилитации комбатантов с хроническим посттравматическим стрессовым расстройством // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 2. С. 89–93.
3. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. М.: Когито-Центр, 2009. 304 с.
4. Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А. Психологические последствия влияния стрессоров высокой интенсивности разного типа // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 110–120.
5. Elmi L., Clapp J. Interpersonal Functioning and Trauma: The Role of Empathy in Moderating the Association of PTSD and Interpersonal Functioning // Behavior therapy, 2021. № 52. P. 1251–1264. doi: 10.1016/J.BETH.2021.02.004.
6. Аминов Н.А., Молоканов М.В. О компонентах специальных способностей будущих школьных психологов // Психологический журнал. 1992. № 5. С. 104–109.
7. Богданов Е.Н., Галимзянова М.В., Касьяник П.М., Романова Е.В., Заварзина А.А. Социально-психологическая адаптация взрослых в связи с ранними дезадаптивными схемами // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1. С. 31–39.
8. Иванова Н.Г. Критерии личностно-профессионального развития действующих психологов // International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Т. 4, № 2. С. 13–15.

9. Карпов А.В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 744 с.
10. Карпов А.В., Чемякина А.В. Понятие профессионально-негативных качеств личности // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 158–162.
11. Бойко Е.О., Сочивко Ю.Н. Социальная адаптация комбатантов с посттравматическими стрессовыми расстройствами // Психическое здоровье. 2019. № 6. С. 52–56. doi: 10.25557/2074-014X.2019.06.52-56. EDN OFJWTC
12. Фастовцов Г.А., Искандаров Р.Р., Данилова С.В. Прогнозирование формирования агрессивно-криминального поведения у лиц, страдающих ПТСР // Психическое здоровье. 2015. № 3. С. 27–33
13. Zhang X., Yue H., Sun J., Liu M., Li C., Bao H. Regulatory emotional self-efficacy and psychological distress among medical students: multiple mediating roles of interpersonal adaptation and self-acceptance // BMC Medical Education, 2022. № 22. doi: 10.1186/s12909-022-03338-2
14. Boldyreva T. The Style of Interpersonal Relationships as a Determining Factor in the Social-Psychological Adaptation of Adolescents with a Slight Degree of Mental Retardation and with Normotypical Development in the Context of Co-Education in Secondary School // Клиническая и специальная психология. 2019. doi: 10.17759/CPSE.2019080103
15. Sun M. Mechanisms and Effects of Interpersonal Pressure // Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. 2023. doi: 10.54254/2753-7048/23/20230370
16. Cámara M., Bacigalupe G., Padilla P. The role of social support in adolescents: are you helping me or stressing me out? // International Journal of Adolescence and Youth. 2017. № 22. P. 123–136. doi: 10.1080/02673843.2013.875480
17. Steinheider B., Hoffmeister V., Brunk K., Garrett T., Muñoz R. Dare to Care: Exploring the Relationships between Socio-Moral Climate, Perceived Stress, and Work Engagement in a Social Service Agency // Journal of Social Service Research. 2020. № 46. P. 394–405. doi: 10.1080/01488376.2019.1575324
18. Maercker A., Horn A. A socio-interpersonal perspective on PTSD: the case for environments and interpersonal processes // Clinical psychology & psychotherapy. 2013. № 20. P. 465–481. doi: 10.1002/cpp.1805
19. Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 4. С. 64–74.
20. Грачева Л.В., Сергеев В.А. Социально-психологическая адаптация и психосоматические расстройства у лиц с боевым стрессом в анамнезе // Ученые записки СПбГМУ им. И.П. Павлова. 2013. Т. 20, № 4. С. 41–44.
21. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова, М.А. Падун, И.С. Хажуев, Н.Н. Казымова, Ю.В. Быхолец, М.В. Дан; под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Институт психологии РАН, 2017. 344 с.
22. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: практическое руководство. М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.
23. Осницкий А.К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
24. Большая энциклопедия психологических тестов / авт.-сост. А.А. Карелин. М.: Эксмо, 2009. 416 с.
25. Тарабрина Н.В., Хажуев И.С. Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 215–226. doi: 10.17759/exppsy.2015080318
26. Габдреева Г.Ш. Гендерные различия адаптивности личности // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 338–347.
27. Позняков В.П. Социально-психологические особенности российских предпринимателей – мужчин и женщин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 14. С. 31–50.
28. Хасанова С.А. Особенности представлений о межличностном общении супругов в зависимости от их гендерных характеристик // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-4. С. 886–891.
29. Patterson J., Martin C., Karatzias T. Disempowered midwives and traumatised women: Exploring the parallel processes of care provider interaction that contribute to women developing Post Traumatic Stress Disorder (PTSD) post childbirth // Midwifery. 2019. № 76. P. 21–35. doi: 10.1016/j.midw.2019.05.010
30. Portnoy G., Relyea M., Decker S., Shamaskin-Garroway A., Driscoll M., Brandt C., Haskell S. Understanding Gender Differences in Resilience Among Veterans: Trauma History and Social Ecology // Journal of traumatic stress. 2018. № 31. P. 845–855. doi: 10.1002/jts.22341

31. Monson C., Shnaider P., Wagner A., Liebman R., Pukay-Martin N., Landy M., Wanklyn S., Suvak M., Hart T., Koerner N. Longitudinal associations between interpersonal relationship functioning and posttraumatic stress disorder (PTSD) in recently traumatized individuals: differential findings by assessment method // *Psychological Medicine*. 2021. № 53. P. 2205–2215. doi: 10.1017/S0033291721003913

References

1. Kharlamenkova N.E. Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa: itogi i perspektivy issledovaniy [The psychology of post-traumatic stress: results and perspectives of research]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 2017, vol. 38, no. 1, pp. 16–30 (in Russian).
2. Pogosov A.V., Sochivko Yu.N., Boyko E.O. et al. Programma kompleksnoy (meditsinskoy, sotsial'noy, psikhologicheskoy) reabilitatsii kombatanov s khronicheskim posttravmaticheskim stressovym rasstroystvom [A comprehensive (medical, social, psychological) rehabilitation program for combatants with chronic post-traumatic stress disorder]. *Sibirskii vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2012, no. 2, pp. 89–93 (in Russian).
3. Tarabrina N.V. *Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa* [Psychology of post-traumatic stress]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2009. 304 p. (in Russian).
4. Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A. Psikhologicheskiye posledstviya vliyaniya stressorov vysokoy intensivnosti raznogo tipa [Psychological consequences of the influence of high-intensity stressors of various types]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2020, no. 5 (116), pp. 110–120 (in Russian).
5. Elmi L., Clapp J. Interpersonal Functioning and Trauma: The Role of Empathy in Moderating the Association of PTSD and Interpersonal Functioning. *Behavior therapy*, 2021, no. 52, pp. 1251–1264. doi: 10.1016/J.BETH.2021.02.004
6. Aminov N.A., Molokanov M.V. O komponentakh spetsial'nykh sposobnostei budushchikh shkol'nykh psikhologov [On the components of the special abilities of future school psychologists]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 1992, no. 5, pp. 104–109 (in Russian).
7. Bogdanov E.N., Galimzyanova M.V., Kasyanik P.M., Romanova E.V., Zavarzina A.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya vzroslykh v svyazi s rannimi dezadaptivnymi skhemami [Social-psychological adaptation of adults in connection with early maladaptive schemas]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology*, 2019, no. 1, pp. 31–39 (in Russian).
8. Ivanova N.G. Kriterii lichnostno-professional'nogo razvitiya deystvuyushchikh psikhologov [Criteria of personal-professional development of practicing psychologists]. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2021, vol. 4, no. 2, pp. 13–15 (in Russian).
9. Karpov A.V. *Metasistemnaya organizatsiya individual'nykh kachestv lichnosti* [Metasystem organization of individual personality traits]. Yaroslavl, YarGU Publ., 2018, 744 p. (in Russian).
10. Karpov A.V., Chemyakina A.V. Ponyatie professional'no-negativnykh kachestv lichnosti [The concept of professionally negative personality traits]. *Yaroslavskaya psikhologicheskaya shkola: istoriya, sovremennost', perspektivy: sbornik materialov Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii* [Yaroslavl Psychological School: History, Present, Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Yaroslavl, Filigran' Publ., 2020. Pp. 158–162 (in Russian).
11. Boyko E.O., Sochivko Yu.N. Sotsial'naya adaptatsiya kombatanov s posttravmaticheskimi stressovymi rasstroistvami [Social adaptation of combatants with post-traumatic stress disorders]. *Psikhicheskoye zdorov'ye – Mental Health*, 2019, no. 6, pp. 52–56 (in Russian). DOI: 10.25557/2074-014X.2019.06.52-56
12. Fastovtsov G.A., Iskandarov R.R., Danilova S.V. Prognozirovaniye formirovaniya aggressivno-kriminal'nogo povedeniya u lits, stradayushchikh PTSSR [Predicting the formation of aggressive-criminal behavior in individuals suffering from PTSD]. *Psikhicheskoye zdorov'ye – Mental Health*, 2015, no. 3, pp. 27–33 (in Russian).
13. Zhang X., Yue H., Sun J., Liu M., Li C., Bao H. Regulatory emotional self-efficacy and psychological distress among medical students: multiple mediating roles of interpersonal adaptation and self-acceptance. *BMC Medical Education*, 2022, no. 22. doi: 10.1186/s12909-022-03338-2
14. Boldyreva T. The Style of Interpersonal Relationships as a Determining Factor in the Social-Psychological Adaptation of Adolescents with a Slight Degree of Mental Retardation and with Normotypical Development in the Context of Co-Education in Secondary School. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education*, 2019. doi: 10.17759/CPSE.2019080103

15. Sun M. Mechanisms and Effects of Interpersonal Pressure. *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*, 2023. doi: 10.54254/2753-7048/23/20230370
16. Cámara M., Bacigalupe G., Padilla P. The role of social support in adolescents: are you helping me or stressing me out? *International Journal of Adolescence and Youth*, 2017, no. 22, pp. 123–136. doi: 10.1080/02673843.2013.875480
17. Steinheider B., Hoffmeister V., Brunk K., Garrett T., Muñoz R. Dare to Care: Exploring the Relationships between Socio-Moral Climate, Perceived Stress, and Work Engagement in a Social Service Agency. *Journal of Social Service Research*, 2020, no. 46, pp. 394–405. doi: 10.1080/01488376.2019.1575324
18. Maercker A., Horn A. A socio-interpersonal perspective on PTSD: the case for environments and interpersonal processes. *Clinical psychology & psychotherapy*, 2013, no. 20, pp. 465–481. doi: 10.1002/cpp.1805
19. Bodrov V.A. Kognitivnyye protsessy i psikhologicheskii stress [Cognitive processes and psychological stress]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 1996, vol. 17, no. 4, pp. 64–74 (in Russian).
20. Gracheva L.V., Sergeev V.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya i psikhosomaticheskiye rasstroystva u lits s boyevym stressom v anamneze [Social-psychological adaptation and psychosomatic disorders in individuals with a history of combat stress]. *Uchyonyye zapiski SPbGMU im. I.P. Pavlova – Scientific Notes of I. P. Pavlov St. Petersburg State Medical University*, 2013, vol. 20, no. 4, pp. 41–44 (in Russian).
21. Tarabrina N.V., Kharlamenkova N.E., Padun M.A., Khazhiev I.S., Kazymova N.N., Bykhovets Yu.V., Dan M.V. *Intensivnyy stress v kontekste psikhologicheskoy bezopasnosti* [Intense stress in the context of psychological safety]. Ed. by N.E. Kharlamenkova. Moscow, Psychology Institute RAS Publ., 2017. 344 p. (in Russian).
22. Tarabrina N.V. *Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa. Prakticheskoye rukovodstvo* [Psychology of post-traumatic stress. A practical guide]. Ed. by N.V. Tarabrina. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2007. 208 p. (in Russian).
23. Osnitskii A.K. Opredeleniye kharakteristik sotsial'noy adaptatsii [Defining characteristics of social adaptation]. *Psikhologiya i shkola – Psychology and School*, 2004, no. 1, pp. 43–56 (in Russian).
24. *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov* [The great encyclopedia of psychological tests]. Compiled by A.A. Karelin. Moscow, Eksmo Publ., 2009, 416 p. (in Russian).
25. Tarabrina N.V., Khazhiev I.S. Posttravmaticheskii stress i zashchitno-sovladayushcheye povedeniye u naseleniya, prozhivayushchego v usloviyakh dlitel'noy chrezvychaynoy situatsii [Post-traumatic stress and coping behavior in populations living under prolonged emergency conditions]. *Ekspperimental'naya psikhologiya – Experimental Psychology*, 2015, vol. 8, no. 3, pp. 215–226 (in Russian). DOI: 10.17759/exppsy.2015080318
26. Gadbreeva G. Sh. Gendernye razlichiya adaptivnosti lichnosti [Gender differences in personality adaptability]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2016, no. 1 (43), pp. 338–347 (in Russian).
27. Poznyakov V.P. Sotsial'no-psikhologicheskkiye osobennosti rossiyskikh predprinimateley – muzhchin i zhenshchin [Social-psychological characteristics of Russian entrepreneurs – men and women]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, 2015, vol. 14, pp. 31–50 (in Russian).
28. Khasanova S. A. Osobennosti predstavleniy o mezhlchnostnom obshchenii suprugov v zavisimosti ot ikh gendernykh kharakteristik [Features of spouses' representations of interpersonal communication depending on their gender characteristics]. *Fundamental'nyye issledovaniya – Fundamental Research*, 2014, no. 9-4, pp. 886–891 (in Russian).
29. Patterson J., Martin C., Karatzias T. Disempowered midwives and traumatised women: Exploring the parallel processes of care provider interaction that contribute to women developing Post Traumatic Stress Disorder (PTSD) post childbirth. *Midwifery*, 2019, no. 76, pp. 21–35. doi: 10.1016/j.midw.2019.05.010
30. Portnoy G., Relyea M., Decker S., Shamaskin-Garroway A., Driscoll M., Brandt C., Haskell S. Understanding Gender Differences in Resilience Among Veterans: Trauma History and Social Ecology. *Journal of traumatic stress*, 2018, no. 31, pp. 845–855. doi: 10.1002/jts.22341
31. Monson C., Shnaider P., Wagner A., Liebman R., Pukay-Martin N., Landy M., Wanklyn S., Suvak M., Hart T., Koerner N. Longitudinal associations between interpersonal relationship functioning and posttraumatic stress disorder (PTSD) in recently traumatized individuals: differential findings by assessment method. *Psychological Medicine*, 2021, no. 53, pp. 2205–2215. doi: 10.1017/S0033291721003913

Информация об авторе

Хажуев И.С., доцент, кандидат психологических наук, заведующий ПНИЛ «Инновационные технологии предупреждения угроз безопасности общества», Чеченский государственный педагогический университет (пр. Х.А. Исаева, 62, Грозный, Россия, 364037).

E-mail: hazhuev@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8070-1875. SPIN-код: 9879-8057. WOS Research ID: Q-7577-2017. Scopus Author ID: 57221198113.

Information about the author

Khazhuev I.S., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Research and Innovation Laboratory “Innovative Technologies for the Prevention of Societal Security Threats”, Chechen State Pedagogical University (pr. Kh.A. Isayeva, 62, Grozny, Russian Federation, 364037).

E-mail: hazhuev@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8070-1875. SPIN-code: 9879-8057. WOS Research ID: Q-7577-2017. Scopus Author ID: 57221198113.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; принята к публикации 01.07.2025

The article was submitted 19.12.2024; accepted for publication 01.07.2025